

Туристические связи как фактор межкультурного диалога Японии и СССР в 1920—1930-е гг.

Дарья Валерьевна Киба,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права, Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Комсомольск-на-Амуре.

E-mail: darya.kiba.80@mail.ru

В статье рассматривается развитие советско-японских туристических связей в 1920—1930-е гг. Выявляется, что туристические поездки в Японию совершали как обычные путешественники, так и представители интеллигенции Советского государства. Японских туристов того периода можно разделить на две группы: первую составляли люди, интересовавшиеся русской культурой и целенаправленно посещавшие СССР, вторую — проезжающие транзитом. Поездки представителей художественной и научной интеллигенции рассматриваются как культурный туризм, который позволял путешественникам знакомиться со своеобразием японской и русской культуры. Опираясь на архивные документы и материалы периодической печати, автор раскрывает влияние художественной интеллигенции СССР и Японии на развитие музыкальной, театральной, танцевальной культуры обеих стран.

Анализируются деятельность туристических компаний Японии («Джапан турист бюро», агентство КУК в г. Кобе) и работа представительства ВАО «Интурист» в Токио. Автор полагает, что туристические связи способствовали формированию толерантности и этнорелятивизма у определённой части японского и советского общества. В работе выделяются факторы, сдерживавшие развитие туристических контактов и препятствовавшие сближению народов: неудовлетворительное обслуживание туристов в Советском государстве, негативная реакция правых сил Японии на поездки в СССР, языковой барьер, политический сыск в Стране восходящего солнца.

Туристические контакты двух государств, активизировавшись в 1920-е гг., развивались до середины 1930-х гг. Однако во второй половине 1930-х гг. их интенсивность начала резко снижаться из-за напряжённых отношений между странами и пограничных конфликтов. Автор приходит к выводу, что положительным результатом туристических контактов было формирование образа «чужой» культуры в сознании представителей интеллигенции, которые стали культурным «мостом», связавшим СССР и Японию.

Ключевые слова: культурный туризм, феномен «японизма», художественная интеллигенция, этноцентризм, этнорелятивизм, транзитные пассажиры, представительство ВАО «Интурист».

Tourist relations as a factor of intercultural dialogue between Japan and the USSR in the 1920s—1930s.

Darya Kiba, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Komsomolsk-on-Amur, Russia. E-mail: darya.kiba.80@mail.ru.

The article analyses the development of Soviet-Japanese tourist relations in the 1920s—1930s. It was revealed that ordinary travellers as well as intellectuals of the Soviet Union made tourist trips to Japan. Japanese tourists of that period can be divided into two groups: the first one consisted of people who were interested in Russian culture and visited the Soviet Union purposefully; the second one consisted of transit tourists. The trips of the artistic and scientific intellectuals are viewed as cultural tourism which allowed travellers to get acquainted with cultural identity of Japanese and Russian cultures. Basing on archive documents and materials of periodical press, the author demonstrates the influence of the artistic intelligentsia of the USSR and Japan on musical, theatrical, dancing evolution of the countries.

The research studies the activity of the travel companies of Japan (“Japan Tourist Bureau”, the agencies in Kobe), the work of the representative office “Intourist” in Tokyo. The author assumes that tourist relations of the countries promoted tolerance and ethnic relativism in a certain group of Japanese and Soviet society. The paper describes the factors which restrained the development of tourist contacts of both countries and prevented rapprochement between people: unsatisfactory service of tourists in the Soviet Union, negative reactions of the right-wing forces of Japan on the trips to the USSR, a language barrier, political investigation in the land of the rising sun.

The author mentions that tourist contacts of two countries became more active in the 1920s and developed until the middle 1930s. But in the latter half of the 1930s, their intensity plunged as a result of strained relations between the countries and boundary disputes. The author concludes that a positive result of tourist contacts was achieved due to image-building of the “foreign” culture in perception of the intellectuals who became a cultural “bridge” and united the USSR and Japan.

Keywords: cultural tourism, phenomenon of “Japanism”, artistic intelligentsia, ethnocentrism, ethnic relativism, transit passengers, “Intourist” office.

Внаши дни идёт активная интеграция России в политико-экономическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона. Этот процесс сопровождается гуманитарными контактами с государствами АТР: организацией совместных культурных, образовательных, научных мероприятий; развитием туристических связей. РФ и Япония являются ведущими державами, диалог которых придаёт положительный импульс дальнейшим интеграционным процессам в регионе. В условиях укрепившихся экономических контактов двух стран туристические поездки приобрели особую значимость для межкультурного диалога, являясь показателем

возрастающего интереса русских и японцев к культуре друг друга. В настоящее время туристическая отрасль России имеет отличные перспективы для расширения сотрудничества с Японией [1, с. 1].

Цель данной статьи — изучение процесса становления и развития туристических связей между СССР и Японией в 1920—1930-е гг., что позволит определить вклад туризма в эволюцию межкультурного диалога этих государств.

Рассматриваемая проблема относится к числу неисследованных. Советская историография, анализируя гуманитарные связи СССР и Японии в довоенный период, сосредоточивалась на культурном и научном взаимодействии, а туристические контакты оставались вне поля зрения учёных [2; 3; 6; 8; 11; 14; 15]. Представители отечественной историографии XXI в., обращаясь к проблеме развития международных туристических связей Советского государства [9], изучают современное состояние туристических контактов отдельных регионов РФ и Японии, но не прослеживают эволюцию советско-японского туризма в 1920—1930-е гг. [1].

Взаимодействие двух стран в области туризма получило развитие только после 1925 г.: в период Гражданской войны Япония осуществляла интервенцию на Дальнем Востоке России. После восстановления советской власти в регионе и вытеснения японских войск для Токио стала очевидной необходимость налаживания политического диалога с Москвой. Экономическое сотрудничество с новым государством было выгодно японским деловым кругам, идти на сближение вынуждало и то, что крупные западные державы признали СССР. Советскому Союзу диалог с Японией позволял осуществлять мирное социалистическое строительство на Дальнем Востоке и укреплять свои позиции на тихоокеанском пространстве. Отсутствие открытой военной конфронтации Москвы и Токио способствовало временной стабилизации международной обстановки в Азиатском регионе. В 1925 г. стороны подписали конвенцию, где были определены основы их экономического взаимодействия, а также обязались воздерживаться от враждебной деятельности по отношению друг к другу.

С установлением дипломатических связей советское руководство начало предпринимать шаги для развития экономического сотрудничества с Японией. Одной из задач стало информирование правительства, деловых кругов и интеллигенции этой страны о жизни в СССР, которое в том числе включало предоставление финансово-экономических сведений, отражающих темпы социалистического строительства в Советском государстве. Эффективным способом распространения необходимой информации могли стать туристические контакты.

В 1926 г. полпред в Токио В. Копп разработал предложения по формированию положительного образа СССР в Японии [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 9. Д. 75. Л. 20]. Ведущее место занимали мероприятия по расширению гуманитарных связей двух стран. Акцент делался и на необходимости

развития туристических контактов. Полпред указывал: для формирования в Японии благоприятного общественного мнения о СССР необходимо создать более благожелательную обстановку для её граждан в Хабаровске, Владивостоке, Николаевске-на-Амуре, Москве. Предлагалось рассмотреть вопрос об организации постоянного воздушного сообщения между государствами. Также В. Копп настоятельно рекомендовал разрешить представителям научной и художественной интеллигенции Японии посещать СССР.

После Октябрьской революции среди прогрессивно настроенной интеллигенции Страны восходящего солнца возрос интерес к Советскому Союзу, отразившийся и на количестве путешествий в Россию. В свою очередь, европейская культура, в том числе русская, в начале XX в. переживала бум «японизма», увлечения Японией, что у многих вызывало желание побывать в этом государстве.

СОВЕТСКИЕ ТУРИСТЫ В ЯПОНИИ

В сознании русских присутствовал синдром поражения в войне с Японией 1904—1905 гг. и образ агрессивного, враждебного самурая. А.С. Дыбовский отмечает: «в 1922—1939 гг. (особенно в начале и в конце указанного периода) Япония воспринималась в первую очередь как враг и опасный конкурент России на Дальнем Востоке» [5].

Японская культура была популярна у довольно узкого круга советского общества, можно сказать, — исключительно у интеллигенции и деятелей искусства. Поэтому в рассматриваемый период активно развивались именно культурные связи. Лучше познакомиться со страной позволяли не только картины, книги, музыка, театральные постановки и др., но и туристические поездки, встречи с творческими людьми, непосредственное общение с носителями языка. Побывав в путешествии, человек мог в полной мере почувствовать национальный дух и приобщиться к другой культуре. Таким образом, путешествие являлось средством постижения образа другой нации.

Данные о количестве русских туристов, приехавших в Японию, содержатся в сводках Японского туристического бюро при Министерстве путей сообщения. Бюро было создано в 1911 г. и финансировалось из средств, отпускаемых заинтересованными учреждениями: железными дорогами, гостиницами. В разных городах Японии и в других странах эти деньги обеспечивали функционирование 49 справочных отделов бюро. В 1926 г. данная организация обслужила в Японии 30 тыс. иностранцев. Среди туристов больше всего было китайцев (5000 чел.), второе место занимали американцы (4200 чел.), третье — англичане (3200 чел.), четвертое — русские (927 чел.), пятое — немцы (511 чел.), шестое — французы (320 чел.), представителей прочих национальностей насчитывалось

5100 чел. [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 10. Д. 68. Л. 86]. Таким образом, русские путешественники находились в числе европейцев, активно посещавших Страну восходящего солнца.

В Японию из СССР приезжали в основном представители творческих профессий. Их визиты обуславливались личными интересами: писатели, искусствоведы продолжали отдавать должное феномену «японизма» и стремились своими глазами увидеть экзотическую восточную страну.

Поездки представителей художественной интеллигенции, отправлявшихся в Японию по собственной инициативе для изучения её культуры и традиций, относятся к культурному туризму. В то же время гастроли музыкантов, танцовщиков и под., хотя и являются видом культурного взаимодействия между странами, но, по нашему мнению, не могут быть отнесены к этому типу туризма и не рассматриваются в рамках данной статьи.

Поездки советских деятелей искусства оказали определённое влияние на развитие японской культуры [17].

Так, в Японии в 1920-е гг. побывали поэты Рюрик Ивнев, Илья Севильский, Давид Бурлюк, искусствовед Николай Пунин. Судзуки Акира, исследователь японского периода творчества Д. Бурлюка, пишет о жизни поэта в Японии: «Он будто культурно заблудился в этой восточной стране. Он пытался понять: кто же они, японцы? И писал, что у нас совсем другая жизнь, другая одежда» [12].

В 1926 г. Японию посетил Б.А. Пильняк. Сохранились материалы сотрудника газеты «Асахи Симбун», который в связи с предстоящим приездом писателя интересовался в Отделе информационного бюро полпредства СССР в Токио литературным стажем мастера, его произведениями, принадлежностью к литературным группировкам. Журналист отметил, что писательско-журналистский мир с нетерпением ждёт Б.А. Пильняка [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 9. Д. 75. Л. 19]. В результате поездки появилась книга «Корни японского солнца».

В 1932 г. прозаик снова побывал в Японии, хроникой путешествия стала книга «Камни и корни». В. Молодяков утверждает: Б.А. Пильняка никто специально не посылал. НКВД¹ и ВОКС² проявили интерес, однако особого содействия не оказали. По мнению исследователя, писателя пригласило Японо-русское литературно-художественное общество, а значительную роль в организации поездки сыграла японская пресса [10, с. 370]. Таким образом, путешествие было вызвано стремлением самого мастера познать культуру Японии.

Во время своего пребывания в Стране восходящего солнца Б.А. Пильняк активно печатался в газетах. Так, авторитетная «Асахи» опубликовала семь его статей, а одноимённый еженедельный журнал — одну. Данный факт свидетельствует, что пресса, печатая записки русского пи-

¹ НКВД — Народный комиссариат иностранных дел.

² ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с границей.

сателя, удовлетворяла потребности японского общества, интересовавшегося представителями советского литературного мира.

Статьи Б.А. Пильняка быстро переводились на японский язык и приносили хороший доход. Гонорар за одну публикацию в среднем составлял 1550 иен [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 10. Д. 68. Л. 133]. Такой материал классифицировался как текущие новости и печатался, пока автор путешествовал по стране. После окончания поездки эти статьи уже не имели такой значимости.

Визиты писателей из СССР способствовали увеличению интереса японцев к советской литературе, о которой, в отличие от русской классики, они знали мало.

Культурный туризм не был массовым из-за специфики мотивации путешественников и дороговизны самой поездки.

Центральной туристической организацией Японии являлся Департамент туризма при Министерстве иностранных дел. Оперативным органом, осуществлявшим все туристические операции в стране, была государственная компания «Джапан турист бюро» (ДТБ). Она объединяла как государственные, так и частные железные дороги, пароходные компании и гостиницы. ДТБ в зависимости от сезона объявляла тур по Японии на определённое количество дней. Путешественники, приезжавшие в страну, пользовались услугами этой компании. Визиты писателей организовывались также крупными издательствами и газетами.

Путешествие в Японию стоило недёшево. Турист оплачивал номер в гостинице, машину, гида-переводчика, переезд между городами (см. табл. 1). ДТБ не имела своего штата переводчиков и приглашала специалистов из клуба. Клубы переводчиков обслуживали туристов, предоставляя специалистов, владеющих языком. В среднем переводчик получал 10 иен, турист также оплачивал его проезд, питание и гостиницу. У ДТБ отсутствовал свой парк машин, компания заказывала транспорт в частных гаражах.

Таблица 1

Стоимость обслуживания одного туристического дня в Японии в 1937 г.

Услуги	Стоимость (иены)
Гостиница (отдельная комната без ванны) с питанием	15
Автомобиль для экскурсий	10
Гид-переводчик, проезд между городами	35
Итого	60

Источник: [ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 93. Л. 48].

Русские путешественники сталкивались в Японии с некоторыми трудностями. Серьёзным препятствием являлся языковой барьер. В 1920-е гг. японцы плохо говорили по-английски (снижение популярности этого языка объяснялось проявлением «национализма»), поэтому общаться

с ними на серьёзные темы было невозможно. Без знания японского путешественник не мог читать прессу, мало понимал театр.

Определённые неудобства доставляла слезка. В Стране восходящего солнца настороженно относились к гостям из России. За ними, как правило, ходил сотрудник тайной полиции, отслеживавший все их передвижения [13, с. 4]. По воспоминаниям Б.А. Пильняка, к нему было приставлено двое агентов. Каждый человек, приходивший к писателю, затем допрашивался [АВП РФ. Ф. О146. Оп. 9. Д. 75. Л. 132]. Дочь Л.Н. Толстого Александра, посетившая Японию в 1929 г. с циклом лекций об отце, писала, что приезжие из Советской России рассматривались как потенциальная угроза. Первое, что спросили у неё по прибытии в Японию, было: «Можете ли Вы обещать не распространять в стране коммунистическую идеологию?» [16, с. 29]. В результате А.Л. Толстая свыклась с присутствием полиции и периодически обращалась к надзирающим с просьбой найти такси или открыть дверь.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, МОЛОДЁЖЬ ЯПОНИИ В СССР

Туристические контакты в рассматриваемый период являлись взаимными. В то время японские туристы, посещавшие СССР, делились на две категории: первую составляли люди, целенаправленно ехавшие в Советскую Россию, вторую — транзитные пассажиры. Среди первых, как правило, преобладали представители интеллигенции: писатели, художники, режиссёры. Часто советские власти отказывали им в визе, однако, несмотря на эту тенденцию, японцы, интересовавшиеся русской культурой и изучавшие её, всё-таки стремились побывать в СССР.

Так, в июле 1926 г. в Москву прибыл художник Томос Янс, он жил в Советском Союзе в течение полугода и создавал работы в японском стиле. В следующем году СССР посетил пролетарский писатель Удзюку (Токузу).

Полученный опыт представители творческого мира использовали у себя на родине. Так, Осанаи Каору, приехавший в Россию в 1912 г., часто бывал на спектаклях Художественного театра, познакомился в Москве с К.С. Станиславским. Возвратившись, Осанаи Каору начал переносить на японскую сцену элементы европейской и, прежде всего, русской драматургии, приёмы актёрской игры. Россия настолько заинтересовала японца, что в 1927 г. он приехал в Москву во второй раз.

Результатами поездок путешественников были не только личный опыт и приобретённые знания, но и значимые общественные мероприятия, связавшие культуру двух стран. В марте 1926 г. Москву посетил журналист Итиудзуми Иосинага, которому оказывало содействие ВОКС. Председатель общества О.Д. Каменева просила гостя помочь в организации в Токио выставки советского искусства. Иосинага заинтересовался идеей и, вер-

нувшись в Японию, приступил к реализации проекта. Выставка, названная «Россия-кай», была показана в 1927 г. в Токио, Осаке, Нагое и имела огромный успех.

Она возбудила интерес к русскому искусству у поэта Макото Кавадзи, у которого к 1927 г. был немалый литературно-художественный стаж. После посещения выставки поэт стал планировать поездку в Москву для изучения музеев и художественных галерей [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 10. Д. 68. Л. 101].

Мероприятие привлекло к советскому искусству внимание и японских исследователей. Профессор истории и искусства Ясиро по пути в Европу специально сделал остановку в Москве и Ленинграде для изучения русского искусства [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 10. Д. 68. Л. 109]. Весной 1928 г. СССР посетили представитель газеты «Токио Ници-Ници» Иосимади Энцы и художник Какудзо Сено, который интересовался советской живописью.

Определённую часть японских путешественников составляла молодёжь. Молодые люди, желающие путешествовать, были объединены в Ассоциацию японских учащихся по совершению заграничных экскурсий, которую создал депутат Нижней палаты парламента Накамура. Основу его мировоззрения составляли идеи международного братства, необходимости всеобщего взаимопонимания. Накамура считал: именно путешествия позволяют постичь другую культуру, а это в конечном итоге может привести к тому, что «взаимоотношения между людьми станут гладкими как земной шар» [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 10. Д. 68. Л. 81]. Убеждённый в своей правоте, Накамура стремился показать японской молодёжи мир. Для этого он организовывал экскурсии, в том числе и в Советскую Россию. Так, в 1927 г. состоялась международная поездка подростков от 12 до 18 лет. Экскурсантов разделили на три группы, одна из них отправилась в СССР, Финляндию, Швецию, Германию, Польшу. Господин Накамура не скрывал, что стремится к сближению с Советской Россией, поэтому, путешествуя в Европу, японцы прибыли с визитом в Москву и Ленинград.

Несмотря на определённую мировоззренческую близость русской и японской наций, между ними существуют значительные различия. Туристы обеих стран оценивали чужую культуру через призму своих верований, культурных традиций, нравственных ценностей, убеждений, предрассудков и стереотипов, что происходило вследствие влияния этноцентризма. Под последним нужно понимать представления о собственной этнической общности и культуре как о центральных по отношению к другим. Этноцентризм проявлялся как у советских, так и у японских путешественников, что приводило к недопониманию и создавало дискомфорт.

Японцы, приезжая в Россию, сталкивались с иным укладом жизни, иной манерой общения, другим уровнем сервиса. Гостей часто поражали повышенный тон и грубые выражения, которые допускали в разговоре советские люди, для японцев, ценящих вежливость и строго соблюдающих этикет, такое являлось абсолютно неприемлемым.

Этноцентризм не способствует коммуникации, постижению тонкостей чужой культуры. Туристу для того, чтобы установить положительный контакт с представителями другой нации, необходимо перейти на позицию этнорелятивизма. Последний предполагает наличие таких качеств, как толерантность, умение оценивать поведение человека с позиции той культуры, к которой он принадлежит. Формированию данных качеств, несомненно, способствовали туристические связи Японии и СССР. Однако в рассматриваемый период существовали факторы, сдерживавшие развитие туристических контактов двух стран, препятствовавшие сближению народов.

В числе таких факторов следует назвать неудовлетворительное обслуживание туристов в Советском государстве. Японцы прибывали паромом во Владивосток, откуда поездом отправлялись по Транссибирскому пути в Москву. Во Владивостоке в 1920-е гг. обслуживание иностранцев являлось неудовлетворительным. Положение сохранялось и в 1930-е гг. В 1934 г. расценки Интуриста на питание по 1 категории в гостиницах Владивостока составляли 7 золотых руб., за номер необходимо было заплатить от 2 до 3 золотых руб. в день, т.е. примерно 30 иен [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 17. П. 161А. Д. 97. Л. 6]. В самом лучшем отеле Японии — «Империал-отеле» — комната, питание и обслуживание обходились в 12—13 иен в день. Второй Восточный отдел НКВД в 1934 г. указывал Интуристу на необходимость принять меры для улучшения обслуживания иностранцев на Дальнем Востоке: привести в порядок гостиницы, соотнести цены в ресторанах с возможностями приезжающих.

Помимо неудовлетворительного обслуживания японских путешественников сдерживала реакция правых сил на поездки в Советскую Россию. В августе 1927 г. на Толстовские торжества по приглашению ВОКС отправился профессор Нобори, осуществивший ряд переводов произведений русского писателя на японский язык. Во время пребывания в СССР профессор под давлением полиции был уволен со службы и оказался без работы [7, с. 290].

Однако, несмотря на все трудности, японцы, увлекавшиеся русской культурой, стремились в СССР. В 1932 г. состоялась встреча уполномоченного ВОКС М. Галковича с режиссёром Хидзиката и артистом пролетарского театра Японии Сасаки. По приглашению ВОКС они планировали приехать на театральную Олимпиаду в Москве (всего в поездку отправилось 19 чел.) [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 15. Д. 49. Л. 32—33]. В 1933 г. Хидзиката Ёси эмигрировал в СССР. Известно, что в Советской России он работал с 1938 по 1941 г. в московском Театре Революции. В 1941 г. вернулся в Японию, где был арестован и освобождён только в 1945 г. В 1932 г. СССР посетили певица Тамаки Миура, известный писатель Кикучи Кано, группа видных японских журналистов.

По ходатайству секретаря полпредства А.Б. Аскова в Москву в июле 1935 г. на год с целью повышения квалификации приехал профессор

русской литературы Токийского института иностранных языков Иокемура. Он обратился в ВОКС с просьбой устроить его в Институт истории, литературы и философии для прослушивания лекций [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 18. П. 168. Д. 100. Л. 8]. Однако в Москве профессору жилось трудно, так как жалование ему было определено небольшое — 600 иен. Министерство просвещения Японии отказалось увеличить сумму и решило в целях экономии отправить профессора в Польшу или другую страну.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ВАО «ИНТУРИСТ» В ЯПОНИИ

До 1930 г. в СССР иностранными туристами занималось ВОКС. В 1925 г. обществом было принято 463 иностранца, в 1926 г. — 1419, в 1927 г. — 1308, в 1928 г. — 962 [4, с. 85]. Однако уже в плане работ ВОКС на 1930 г. предусматривался приём всего 60 иностранцев, что было связано с передачей практически всей работы с туристами в ведение другой структуры — Всесоюзного акционерного общества «Интурист», созданного в 1929 г.

В Японии появилось представительство ВАО «Интурист», которое занималось в основном обслуживанием второй категории путешественников — транзитников, направлявшихся из Японии в Европу. Кроме того, в задачу представительства входила организация выставок, фестивалей. Так, в 1936 г. оно открыло выставку, посвящённую пути на летние Олимпийские игры из Японии в Германию через территорию СССР [ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 56. Л. 13]. Были представлены экспонаты Транссибирского экспресса (интерьер вагонов I и II классов), фотографии, пейзажи. Выставка имела большой успех и наглядно показала краткость и выгоду дороги через Советский Союз.

Однако транзитным пассажирам следовало ждать разрешения Москвы на остановку, что приводило к отказам японцев использовать Транссибирскую дорогу [ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 93. Л. 10]. Кроме того, фиксировались случаи, когда после аквизиции японских туристов им отказывали в визах. Отрицательный ответ на визовый запрос использовался прессой как повод для нападок на СССР.

Для увеличения численности клиентов представительство ВАО «Интурист» проводило рекламную кампанию шесть раз в месяц, помещая объявления в двух английских газетах. Однако данных мер было недостаточно. Значительная часть японцев вообще не знала о существовании Транссибирского пути.

Представительство в Японии полностью зависело от решений правления организации, которые зачастую отрицательно сказывались на деятельности «Интуриста». В 1937 г. Бюро конференций — постоянный орган при Управлении туризма Министерства железных дорог Японии — запросило

у представительства материал по туризму в СССР для размещения в бюллетене. Правление ВАО «Интурист» согласия не дало, в результате японцы перестали посылать советскому представительству в Токио бюллетень и считали его выбывшим из Бюро конференций. Данный факт отрицательно сказался на налаживании деловых связей между японскими компаниями и советской организацией.

В целом представительство «Интуриста» в Японии в своих отчётах отмечало, что план по пассажирским перевозкам не выполнялся. Перевыполнение плана по транзитным перевозкам в 1936 г. можно объяснить тем, что пассажиры направлялись на летние Олимпийские игры в Берлин через СССР. Только морским путём на спортивное мероприятие добиралось 100 чел. За второй квартал того же года план по туристическим операциям не был выполнен. Операции представительства «Интуриста» за 1938 г. представлены в таблице 2.

Таблица 2

Операции ВАО «Интурист» в Японии в 1938 г.

Виды операций	Операции в соответствии с годовым планом	Фактические операции
Количество туров	10	20
Туристические дни	62	113
Поступления от туров (руб.)	3900	5044
Подъезды и выезды (руб.)	4710	1114

Источник: [ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 93. Л. 11].

Из 20 туров, обслуженных «Интуристом» в 1938 г., только три были связаны с посещением туристами СССР, остальные 17 чел. являлись транзитными пассажирами, которые останавливались ненадолго во Владивостоке и Москве. Именно данным обстоятельством объясняется невыполнение плана представительством ВАО «Интурист» по подъезду и выезду. Поступления от туров в 1938 г. составили 30% от поступлений в 1937 г. [ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 93. Л. 12].

Основными причинами сокращения пассажиров-транзитников стали напряжённые отношения между Токио и Москвой, пограничные конфликты, резкое сокращение иностранного туризма в Японии вообще, что отразилось и на операциях представительства. Следует отметить, что японцы, решившиеся путешествовать через СССР, в целях экономии предпочитали покупать билеты у ДТБ, а не у советского представительства «Интуриста». Например, билет Токио — Берлин 3 класса в 1936 г. у ДТБ стоил 294,82 иен, у Интуриста — 313,23 иен [ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 56. Л. 15].

Для привлечения в СССР туристов представительство заключало договоры с туристическими компаниями Японии. К 1937 г. имелись дого-

ворные отношения с ДТБ и агентством КУК в г. Кобе. Компании проводили рекламные мероприятия, рассказывая о Транссибирском пути и привлекая пассажиров.

Однако в 1938 г. после ликвидации советского консульства в г. Кобе КУК почти ничего не делала для привлечения туристов в СССР. В 1938 г. произошло сокращение транзитников. В 1937 г. по линии КУКа их было 358 чел., в 1938 г. — 309 чел. [ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 93. Л. 13].

Немалое влияние на транзит оказали события на советско-маньчжурской границе летом 1939 г. Представительство ВАО «Интурист» за 2 месяца до конфликта обслужило 16 транзитников, за 3 месяца после — всего 2 [ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 93. Л. 14]. Несмотря на это, правление поставило перед представительством в Токио задачу активизировать иностранный туризм в СССР в 1939 г. В соответствии с планом отделение должно было обслужить 25 туристов и 200 транзитных пассажиров из Японии. Планировалось, что туристов привлечёт сельскохозяйственная выставка, открывавшаяся в Москве 1 августа 1939 г.

В 1939 г. из-за начавшейся Второй мировой войны в Японии продолжилось падение числа туристов-иностранцев и доходов японских компаний от инотуризма. Советское представительство с октября 1939 г. перестало размещать рекламные объявления в газетах Японии, так как поток пассажиров в СССР фактически сошёл на нет. Буклеты, рассказывающие о Москве и Ленинграде, представительство рассылало по отелям, но при проверке никогда не находило их на витринах [ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 107. Л. 2]. Нападение Германии на СССР сделало невозможным дальнейшее развитие туристических связей Советского государства и Японии.

Таким образом, туристические контакты двух государств, получив своё развитие в 1920-е гг., продолжались до середины 1930-х гг., когда их интенсивность стала резко снижаться. Участниками поездок были как обычные путешественники, в том числе транзитники, так и представители научной и художественной интеллигенции. Последние посещали интересующую их страну, совмещая личный и профессиональный интерес с путешествием. Их поездки могут рассматриваться как культурный туризм. Причинами, по которым японцы использовали советский Транссиб для поездок в Европу, являлись краткость и быстрота пути.

Среди факторов, сдерживавших развитие туристических связей, следует выделить неудовлетворительное обслуживание иностранцев в СССР, пограничные конфликты, отрицательную реакцию правых сил Японии на путешествия в Советский Союз, политические разногласия правительств двух стран. В Японии путешествиям в СССР, как правило, придавали политическую окраску, также не приветствовались положительные отзывы о Советском государстве в прессе.

В настоящее время путешественники имеют возможность выложить информацию о поездке в блог, на сайт и сделать её доступной для

широкого круга людей. В рассматриваемый период распространение сведений о СССР и Японии шло посредством личных контактов, среди близкого окружения путешественников.

Результатом туристических связей стало формирование узкого круга людей, преимущественно представителей интеллигенции, знакомых с русской и японской культурой. В СССР, к сожалению, данный круг уничтожили репрессии 1930-х гг., что отрицательно сказалось на работе советских структур во второй половине 1940—1950-х гг. в Японии (Советской части Союзного Совета для Японии, представительства Совимформбюро, ВОКС).

В составе социума Страны восходящего солнца в рассматриваемый период сформировалось три группы: те, кто отрицательно относился к советской культуре; люди, мало знавшие её и равнодушные к ней; члены японского общества, знакомые с русской и советской культурой. В довоенный и послевоенный период представители последней группы прилагали усилия для налаживания культурного диалога с СССР в сфере театрального, изобразительного, музыкального искусства, науки. С их помощью организовывались выставки, происходил обмен кинокартинами, научными достижениями. Указанные три группы продолжают существовать внутри японского общества в настоящее время и оказывают влияние на интенсивность гуманитарных контактов двух стран.

Важно, что инициатива развития туристических связей в 1920—1930-е гг. исходила не от государственных структур, а от частных лиц. Японцы и советские граждане, проявляя искренний интерес к культуре другой страны, путешествуя, становились средством культурной дипломатии и «мягкой силы», способствуя распространению информации о Советской России и Японии. Таким образом, туристические связи были важным фактором межкультурного диалога СССР и Японии, способствовавшим интеллектуальному и нравственному развитию путешественников, обогащению национальных культур, формированию образа «чужой» нации.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Берестовой Д.А. Развитие связей в сфере туризма между Хабаровским краем и Японией (1985—2010) // Россия и АТР. 2012. № 2. С. 135—144.
2. Галеркина О. Японский союз пролетарских художников // Искусство. 1968. № 9. С. 48—53.
3. Георгиев Ю.В. Советско-японские культурные связи // СССР — Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений (1925—1975). М.: Главная ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1978. С. 171—187.
4. Гриднев Ю.А. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (1925—1929): дис. ... канд. ист. наук. Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2006. 170 с.

5. Дыбровский А.С. Образ Японии и японцев в приморской краевой газете «Красное Знамя» в 1922—1939 гг. // Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. С. 186—196.
6. Есипова М.В. К проблеме: японцы и русская музыкальная культура // 100 лет русской культуры в Японии. М.: Наука, 1989. С. 258—280.
7. Избранная переписка с российскими корреспондентами: в 2 кн. М.: Наука, Кн. 1. 2005. 578 с.
8. Кожевникова И.П. Университет Васэда и русская литература // 100 лет русской культуры в Японии. М.: Наука, 1989. С. 38—61.
9. Корнеева Е.И. Организация иностранного туризма в СССР в 1920—1930-х годах // Российская история — 2010. № 3. С. 134—141.
10. Молодяков В. Россия и Япония в поисках согласия (1905—1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М.: АИРО XXI, 2012. 656 с.
11. Пустовойт П.Г. Русская классика в Японии // Филологические науки. 1958. № 4. С. 24.
12. Сулейменова А. Япония глазами российских поэтов-эмигрантов: от увлечения японской сказкой к глубокому анализу // Сборник статей № 2 по результатам конференции «На периферии и на чужбине — сравнительное исследование маргиналий русской культуры». Саппоро: Университет Досися, 2011. С. 76—93.
13. Сцены из современной японской жизни // Правда. 1938. 2 декабря. № 232. С. 4.
14. Угринович Б.И. Движение за дружбу между народами СССР и Японии // СССР — Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений (1925—1975). М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1978. С. 132—152.
15. Чегодарь Н.И. Русская и советская литература в Японии в послеоктябрьский период // СССР — Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений (1925—1975). М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1978. С. 208—224.
16. Конами Томоно Бунго но мусумэ: Арэкусандоро Торусутои хомэй ничи ничи = Жизнь А.Л. Толстой (1884—1979), дочери великого русского писателя Л.Н. Толстого за рубежом. Токио: Нисида сё тэн, 1989. 227 с.
17. Могирэфусуки о омоу = Думаю о Могилевском // Асахи шимбун. 1953. № 108.
18. АВП РФ (Арх. внешней политики Российской Федерации).
19. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).

REFERENCES

1. Berestovoy D.A. Rasvities svyazey v sfere turizma mezhdru Habarovskim kraem i Yaponiey (1985—2010) [Development of tourist relations between Khabarovsk Region and Japan (1985—2010)]. *Rossija i ATR*, 2012, no. 2, pp. 135—144. (In Russ.)
2. Galerina O. Japonskij soiuz proletarskikh khudozhnikov [Japanese union of proletarian artists]. *Iskusstvo*, 1968, no. 9, pp. 48—53. (In Russ.)
3. Georgiev I.V. Sovetsko-iaponskie kul'turnye svyazi [Soviet-Japanese cultural relations]. *SSSR — Japonija. K 50-letiiu ustanovlenija sovetsko-japonskikh diplomaticheskikh ot-noshenij (1925—1975)* [USSR — Japan. On the 50th anniversary of the establishment of Soviet-Japanese diplomatic relations (1925—1975)]. Moscow, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva Nauka Publ., 1978, pp. 171—187. (In Russ.)
4. Gridnev U.A. *Vsesoiuznoe Obshhestvo Kul'turnoi Svjazi s zagranitsei (1925—1929)* [All Union Society for cultural relations with foreign countries]. Moscow, 2006, 170 p. (In Russ.)

5. Dybovskii A.S. Obraz Japonii i japontsev v primorskoj kraevoi gazete “Krasnoe Znamja” v 1922—1939 gg. [The image of Japan and Japanese in Primorye regional newspaper “Krasnoe Znamya” in 1922—1939]. *Puti razvitija vostokovedenija na Dal’nem Vostoke Rossii* [Development options of Asian studies in the Far East of Russia]. Vladivostok, Izdatel’stvo Dal’nevostochnogo universiteta Publ., 2014, pp. 186—196. (In Russ.)
6. Esipova M.V. K probleme: japoncti i russkaja muzykal’naja kul’tura [Issue: Japanese and Russian musical culture]. *100 let russoj kul’tury v Japonii* [100 years of Russian culture in Japan]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 258—280. (In Russ.)
7. *Izbrannaya perepiska s rossijskimi korrespondentami* [Selected correspondence with Russian reporters]. Moscow, Nauka Publ., vol. 2, 2005, 578 p. (In Russ.)
8. Kozhevnikova I.P. Universitet Vaseda i russkaja literatura [Waseda University and Russian culture]. *100 let russoj kul’tury v Japonii* [100 years of Russian culture in Japan]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 38—61. (In Russ.)
9. Korneeva E.I. Organizatsija inostrannogo turizma v SSSR v 1920—1930-kh godakh [Organisation of international tourism in the USSR in the 1920s-1930s]. *Rossijskaja istorija*, 2010, no. 3, pp. 134—141. (In Russ.)
10. Molodyakov V. *Rossija i Japonia v poiskah soglasija (1905—1945) Geopolitika. Diplomacija. Ljudi i idei* [Russia and Japan in search of agreement (1905—1945). Geopolitics. Diplomacy. People and ideas]. Moscow, AIRO XXI Publ., 2012, 656 p. (In Russ.)
11. Pustovoit P.G. Russkaja klassika v Japonii [Russian classics in Japan]. *Filologicheskie nauki*, 1958, no. 4, p. 24. (In Russ.)
12. Suleymenova A. Yaponia glazami rossijskih poetov-emigrantov: ot uvlecheniya yaponskoj skazkoj k glubokomu analizu [Japan through the eyes of Russian poets-emigrants: from interest in Japanese tale towards profound analysis]. *Sbornik statej № 2 po rezul’tatam konferentsii “Na periferii i na chuzhbine — sravnitel’noe issledovanie marginalii russoj kul’tury”* [Collection of articles number 2 on the results of the conference “On the periphery and in a foreign land — a comparative study of marginalia Russian culture”]. Sapporo, University Dosisy Publ., 2011, pp. 76—93. (In Russ.)
13. Stseny iz sovremennoj japonskoj zhizni [Scenes from modern Japanese life]. *Pravda*, 1938, December, 2, no. 232, p. 4. (In Russ.)
14. Ugrinovich B.I. Dvizhenie za družbu mezhdu narodami SSSR i Japonii [Movement for friendship between people of the USSR and Japan]. *SSSR — Japonia. K 50-letiju ustanovlenija sovetko-japonskikh diplomatskikh otnoshenij (1925—1975)* [USSR — Japan. On the 50th anniversary of the establishment of Soviet-Japanese diplomatic relations (1925—1975)]. Moscow, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel’stva Nauka Publ., 1978, pp. 132—152. (In Russ.)
15. Chegodar’ N.I. Russkaja i sovetkaja literatura v Japonii v posleoktjabr’skij period [Russian and Soviet literature in Japan in the post-October period]. *SSSR — Japonia. K 50-letiju ustanovlenija sovetko-japonskikh diplomatskikh otnoshenij (1925—1975)* [USSR — Japan. On the 50th anniversary of the establishment of Soviet-Japanese diplomatic relations (1925—1975)]. Moscow, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel’stva Nauka Publ., 1978, pp. 208—224. (In Russ.)
16. *Konami Tomono Bungo no musumje: Arjekusandoro Torusutoi homjej nichij nichij* [Life of A.L. Tolstaya (1884—1979), the daughter of the Great Russian writer L.N. Tolstoy, abroad]. Tokyo, Nisida sjo tjen Publ., 1989, 227 p. (In Japan.)
17. Mogirjefusuki o omou [Thoughts about Mogilevskiy]. *Asahi shimbun*, 1953, no. 108. (In Japan.)